

И. А. ЛОБАКОВА

Воинское повествование и агнографическая традиция в литературе XVII в. (на материале Распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем»)

Произведения, посвященные воинской теме, в XVII в. многократно переписываются: именно к этому времени относятся большинство списков «Повести о разорении Рязани Батыем»,¹ «Жития Александра Невского»,² «Сказания о Мамаевом побоище».³ Но наряду со списками старших редакций в XVII в. создаются новые, отражающие литературные вкусы «переходного» века и представляющие большой интерес для истории литературы. Новые редакции, часто существующие в единственном списке, выходят из-под пера, как правило, непрофессиональных книжников. Редакции эти, при всем разнообразии произведенных переделок, обнаруживают две основные тенденции переработки, которые могут быть связаны с двумя главными центрами литературной деятельности в XVII в. — посадским и церковным. В посадской среде произведения воинской тематики осмысливаются как занимательное повествование о прошлом и нередко сопровождаются публицистическим комментарием авторов (Псковская редакция,⁴ редакции «Сказания» пространного и краткого видов и Особая⁵ редакция «Повести о разорении Рязани Батыем»; Особая редакция (ГПБ, собр. Погодина, № 1408) и переделка редакции Ионы Думина (ГПБ, Q.XVII.24) «Жития Александра Невского»; Распространенная редакция (ГПБ, собр. Погодина, № 1414), редакции Хворостинина и «Синописа» «Сказания о Мамаевом побоище»). В клерикальной среде создаются новые редакции, в которых явственна ориентация на церковно-дидактический принцип изложения воинского сюжета. И если «Житие Александра Невского» изначально связано

¹ См.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 267—277. В этом исследовании выделены редакции, дана их классификация и опубликованы тексты. 26 списков из 34 относятся к XVII в. Из 18 обнаруженных нами списков Повести 2 представляют новые редакции, к XVII в. относятся 8 (ГПБ, собр. Титова, № 3764; F.IV.244; БАН Арханг. К. 51, 13.2.23; ГИМ, собр. Барсова, № 1796; собр. Черткова, № 1156; собр. Барсова, № 1521; собр. Забелина, № 261).

² См.: Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст // ПДП. СПб., 1913. № 180.

³ См.: Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959.

⁴ См.: Евсеева-Лобакowa И. А. «Стрелецкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязани Батыем»: (К вопросу о времени и принципах переработки текста источника) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 370—378.

⁵ Тексты редакций опубликованы И. А. Лобакowej-Евсеевой. См.: «Повесть о разорении Рязани Батыем» в новых редакциях XVII века // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 379—390.

с агиографической традицией (в редакциях Викентия и Тита имевшиеся тенденции лишь усилены), то «Повесть о разорении Рязани Батыем» и «Сказание о Мамаевом побоище» подвергаются существенным трансформациям: борьба князей с врагами изображается, главным образом, как реализация столкновения христианского государя и нечестивого царя. Такое перемещение акцентов обнаруживается в Риторической, Дополненной и Распространенной редакциях «Повести о разорении Рязани Батыем», в переделках XVII в. Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище». В результате произведения воинской тематики включаются в ряд памятников агиографической традиции.

Цель данной статьи — выявить на материале Распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем» те приемы, которые привели к трансформации воинского повествования в XVII в. и определили агиографическую «направленность» произведений.

Д. С. Лихачев, кратко характеризуя Распространенную редакцию «Повести о разорении Рязани Батыем», писал, что она «представляет собою переработку редакции Б основной первого вида. Основная часть цикла расширена, наоборот, конец, в частности плач Ингоря Ингоревиича, сокращен; там же имеются и некоторые перестановки и изменения (введен новый персонаж, сын Юрия Ингоревиича — Юрий Юрьевич)».⁶

Важно отметить характер переработки: создатель Распространенной редакции превращает «Повесть о разорении Рязани Батыем» в дидактическое произведение, в котором главной оказывается христианская тема. «Агиографизация» памятника произведена на всех уровнях: стилистическом, образном, сюжетно-композиционном, идейном.

Более обильное, чем в тексте ред. Б основной, использование жанрово-маркированной лексики («безбожный», «нечестивый», «злехитры», «свиристество», «небесная жилища», «христианы», «исповедники», «дерзновение», «благодать», «вера Христова», «вечный венец» и т. п.) сразу бросается в глаза и, в общем, не требует особых доказательств.

Более существенно то, что последовательно изменена образная система Повести: создатель Распространенной редакции целиком подчинил ее агиографической идее.

Во-первых, Батый превращен в этой редакции памятника в традиционно-го царя-мучителя жития-матирия. Если в старших редакциях Повести такое толкование образа Батые было затруднено из-за наличия эпических характеристик, то в ред. Распространенной эти характеристики сняты. Так как присутствие эпического плана изображения Батые с наибольшей очевидностью ощутимо в эпизоде с Евпатием Коловратом, то сравним его в ред. Б и ред. Распространенной:

ред. Б

«Брате Еупатие! Гораздо еси меня потчивал с малою своею дружиною, да многих нарочитых богатырей сильныа орды побил еси, и многа от тебя падоша. Аще ли бы у меня, царя, таковы служил, держах бы его против своего сердца».

ред. Распространенная

«О Епатие Коловрате! Аще бы ты повинувся, сотворил волю мою велика бых сотворил ты в царствии моем!» (курсив мой. — И. Л.).

Так, в ред. Распространенной опущены слова, продолжающие эпическую тему битвы-пира («Гораздо еси меня потчивал...»), упоминание о смерти от руки Коловрата многих богатырей. Изменен и смысл последней фразы.

⁶ Лихачев Д. С. Повести... С. 276. Единственный список редакции — ГИМ, собр. Черткова, № 313, конец XVII в.

Если в ред. Б в словах Батяя — только восхищение удачью рязанского героя, то в ред. Распространенной отражено стремление (типичное для царя-мучителя) покорить Евпатия *своей воле* и лишь на этом условии приблизить его к себе.

Во-вторых, сюжетное столкновение каждого из рязанских героев с Батыем — это реализация житийных ситуаций смерти за веру от руки царя-мучителя.

Так, законченный вид маририя принимает эпизод гибели князя Олега Красного. В старших редакциях эта тема была намечена. «И Олга Ингоровича яша еле жива. Царь Батый, виде Олга велми красна и храбра и хотя его изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингорович укори царя и нарече его *безбожна и врага крестьянска*. Окаянный же Батый дохну огнем от мерскаго сердца своего и повеле Олга ножи на части разлабити. Сий бо естъ *мученик Христов...*». В ред. Распространенной уже имевшаяся агиографическая тема была заключена в этикетную форму описания: «Олга же Ингоровича, рекомаго Краснаго, сего безбожники жива яша и к мерскому отступнику приведоша. Царь же возрев нань, и видев красоту лица его, сжаливсьи зело. И повеле его от ран врачевати и к лести своей обратити. Князь же, *горяше духом по вере Христове*, укорив царя и поносив ему много, мерским отступником и богопротивником его нарече. Царь же, слышав сие, дохнув огнем ярости своея и повеле праведнаго ножи раздробити на уды. *Раздробляему же ему бывшу глаголаше: „Сия терплю Христа моего ради, укрепляющаго мя в муках сих“*. И тако предаде дух свой в руце Господеви. Сей бо естъ мученик и исповедник... И ныне в вечных благих со аггелы водворяются, воспевающе святую Троицу».

В этом фрагменте введение прямой речи (слов Олега) — прием, характерный для текстов XVII в., — служит не только для «оживления» происходящего, но оказывается соотнесен с этикетной деталью жития-маририя: словами мученика, которые обращены не столько к мучителям, сколько к себе самому. В них — выражение внутренней готовности к принятию смерти (ср. со словами Игнатия Иерусалимского, например: «Я — пшеница Господня. Пусть я буду размолот зубами зверей, чтобы стать чистым хлебом Христовым»). Именно эта готовность и отличает человека «мирского» от святого.⁷ Но если образ князя Олега уже в старших редакциях соотносился с агиографическим принципом описания (и ред. Распространенная, таким образом, просто развила тенденцию, имевшуюся в тексте источника), то тем более показательны те изменения, которые были произведены создателем новой редакции в обрисовке других героев Повести.

Так, в ред. Б смерть великого рязанского князя Юрия Ингоровича с братьями была смертью воинов за «отчину»; в Распространенной — это уже смерть за «изповедание». Такая переоценка возникла в результате добавлений к обращению князя Юрия к братьям перед битвой. После цитаты из Иова («Аще от руки Господня блага прияхом, то злых ли не стерпим?») идет фраза: «Никто же бо может убежати от гнева, грядущего на ны» и призыв: «Станем твердо за святыя церкви, и за отечество наше, и умрем за веру Христову. Смерть бо сия в живот нам будет». Очевидно, что в этом обращении главной оказывается тема добровольной мученической смерти за веру, а не тема отказа от покорности воле царя.

⁷ Ср., например, принципы переделки Нестором в традициях «правильного» жития образов Бориса и Гребя в кн.: Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе. Л., 1968. С. 21—23.

Еще настойчивее агиографическая тема звучит в обращении к братьям во время битвы после смерти князя Давида. В ред. Б читаем: «Братия моя милая и дружина ласкова! Узорочье и воспитание резанское! Мужайтесь и крепитесь. Брат наш Давид прежде нас чашу испил, и мы ли ее не пьем?» В ред. Распространенной оставлено только обращение к братьям: «Братия моя! Се брат наш Давид преди нас испил смертную чашу и вечным венцом венчася. Тако и мы, ничто же размысляюще в себе, да не лишимся даннаы нам от Бога благодати, но такожде крепко и мужественно станем за веру Христову и за святыя церкви его, и равно мзду приимем с братом нашим Давидом». Смерть воина на поле брани воспринимается создателем ред. Распространенной только как смерть в борьбе с царем-нечестивцем, т. е. как смерть «за веру Христову», которая для князей — «благодать».

Смерть Евпатия Коловрата оказалась в Распространенной редакции в том же ряду смертей за веру. В ред. Б Евпатий — герой-мститель, который, увидев «опустение» Рязанской земли, «погна в след безбожного царя Батыеа». В Распространенной перед выступлением в погоню он произносит монолог: «Увы мне! Согрешихом к Богу, сотворшему нас, понеже попусти врага сего на святыню свою. Хошу — да и аз испию чашу сию, и ровно с господари моими венчан буду». Т. е. Евпатием движет не желание отомстить, а стремление «прियाь мзду» наравне с другими мучениками.

Ярко выраженная агиографическая тенденция привела к тому, что в историческом произведении, которое было создано в традиции «воинского повествования», составителем Распространенной редакции последовательно сокращены все воинские эпизоды. Так, в описании битвы с Батыем рязанских князей во главе с Юрием Ингоревицем исключены слова: «Батыеве бо силе велице и тяжце, един бяшеся с тысящею, а два — со тмою», «такo крепко и мужественно бяшеся... яко всем полком татарским подивитися крепости и мужеству рязанскому господству»; в описании битвы Евпатия: «Еупатий же тако сечаше их, яко и мечи притупишася, и емляше мечи тотарския, полки проезжая, и бяша их нещадно» и др. Эти характеристики, в которых главным было желание подчеркнуть удаль рязанских защитников, связанные с фольклорной системой образов, исчезли в Распространенной редакции. Таким образом тема доблести рязанского «узорочья», вместе с темой-битвы-пира, была снята в произведении. Изменилась сюжетно-композиционная организация памятника.

Система повторов в Повести, которая выполняла в старших редакциях композиционную функцию, была нарушена уже в XVI в. (Хронографической редакцией «Повести о разорении Рязани Батыем»), а в Распространенной лишь один раз встречается «осколок» рефрена — «и равно вси смертную чашу испиша», который сохранился в описании погибшей Рязани.

Само это описание в старших редакциях было кульминацией Повести: «...взят бысть град Резань месеца декабря в 21 день. И пожегоша весь град, и княгиню великую со снохами и с прочими княгинями в церкви соборней мечи изсекоша, иерея и черноризцов до останка изсекоша, и все узорочье нарочитое — богатство черниговское и киевское поимаша. И храмы Божия разориша, и во святых алтарех многи крови прольяхша, и инех многих в воде потопиша, и ини мнози в полон поведени быша. И не оста в живых ни един во граде: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Несть убо стонюща — ни отцу, ни матери о чадах, ни чадом о отцех и о матерех, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупе мертвии лежаща. Сия вся наведе Бог грех ради наших». Эта картина единой для всех смерти — княгинь, духовенства, простых людей — была обобщением судьбы всей Русской земли эпохи татарского нашествия. И потому в старших редакциях она и стала главной в Повести.

В ред. Распространенной это описание превращено в краткую констатацию: «...и взяша град той и вся сущия люди в нем исьсекоша. Книгиню же и с снохами ея в соборной церкви мечи избодоша. Монастыри же и церкви пограбиша, и до основания разориша, и град той огнем пожгоша месяца декемврия 21 день. И во святых алтарех многи крови пролияша, и священник всех мечем избиша. И не бе видети человека в живых града того, но вси *единодушно за веру Христову и за святых церкви Его пострадаша*, и равно вси смертную чашу испиша».

Во-первых, тема единства судьбы всех перед лицом Батыева нашествия здесь снята. Во-вторых, смерть всех жителей Рязани описывается как смерть «за веру Христову и святых церкви его» и таким образом ставится в один ряд со смертями князей и Евпатия. Все Рязанское княжество в Распространенной редакции приняло мученический венец. Иными словами, тема мученичества оказывается в произведении не просто главной, но единственной, подчиняет себе все повествование.

Поэтому и в композиции произошли существенные изменения. Дидактическое вступление ред. Б основной в ред. Распространенной целиком отнесено к Рязанской земле: «...бысть попущением Божиим *беды мнози на землю Рязаньску*, ибо за прегрешения казняше Бог...» (в ред. Б основной — «попущающу Богу за грехи *наша* овогда глад...»). Дополнения к вступлению, сделанные создателем Распространенной редакции, вводят в повествование тему мученичества: Батый идет «попленяя грады, и монастыри разьзоряя и огню предаа. Непокоряющих же ся ему *зле мучаше и мечем окончеваше. Яко же и благовернаго князя Михаила Черниговьскаго и боярина его Феодора по мнозех муцех мечю предаде и отсюду в небесная жилища отсла*, тако и zde сотвори сей безбожный, егда найде на землю Рязаньскую...». Появление в тексте дидактического вступления имен канонизированных русской церковью мучеников не случайно: князь Михаил Черниговский, отказавшийся «поклониться огню», был первым русским князем-мучеником, погибшим от руки Батыя за веру. Таким образом, эта историческая параллель подчинена все той же — главной — теме Распространенной редакции Повести. С другой стороны параллель эта приведена автором в ущерб исторической точности: Рязань, столица первого княжества на пути монголо-татар, была взята 21 декабря 1237 г., а Михаил Черниговский и Федор были убиты в Орде 9 лет спустя — в сентябре 1246 г.

Однако вступление в Распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем» интересно не столько подчиненностью главной теме произведения — теме мученичества, сколько новой функцией. В этой редакции памятника назидательные рассуждения о «казнях Божиих» приобретают *композиционную* роль, о чем свидетельствует переработка окончания Повести.

После эпизода, рассказывающего о гибели Евпатия Коловрата, в ред. Б основной читается рассказ о приходе в Рязанскую землю, а потом и столицу княжества князя Ингваря Ингоровича, брата Юрия Ингоровича Рязанского, о его плаче над городом, погребении погибших жителей. Затем «авторский плач» над Рязанской землею предшествует картине, открывшейся князю Ингварю, когда тот пришел на место битвы рязанской дружины, плачу его над братьями и эпизоду, повествующему о погребении всех рязанских князей. После сообщения о вокняжении его в Рязани идет похвала роду рязанских князей. Принципиальное значение для структуры Повести плачей и похвалы уже отмечалось.⁸ В ред. Распространенной похвалы «гнез-

⁸ Евсеева И. А. Анализ формульного стиля «Повести о разорении Рязани Батыем» // Рукописная традиция XVI—XIX веков на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 120—126.

ду» рязанских князей нет вообще (в ней слишком много «светских» достоинств, которые, очевидно, не интересовали автора Распространенной редакции: «паче меры храбры», «на пированье тщивы», «до господарских потех охочи», «очима грозны», «к братии... величавы» и т. п.).

Но нет не только похвалы. Происходит редукция сюжета. Вместо подробного описания действий пришедшего на пепелище князя в Распространенной редакции читаем: Юрий Юрьевич (он заменил Ингваря) «видев исповедников Христовых, сродников своих, всех побиенных и с женами своими мертвых лежащих, и всю опустевшу Резаньскую землю, плакася горко. И взыска телеса отца своего и матере, и всех сродник своих. И собрал телеса всех их вкупе, и презвав епископа с причетом, и погребе сродник своих и Ипатия с ними. Тогда и прочих собираше телеса и погребе их всех. Сотвори же тогда и малую некую утеху, памяти достойну, ибо собирахуся народи к нему. Он же с радостию принимаше их. И созда им град, и церковь, и состави жительство. И тако господствова в них по отце своем по-прежнему». За этим фрагментом следует дидактическое заключение Повести, которое, переключаясь со вступлением, придает характер завершенности произведению, агиографическая направленность которого оказалась выдержанной до конца. Это заключение имеет вид: «Тако посети Бог Росийскую землю, и наведе на ны сия вся грех ради наших. Не токмо сей един град, но и вся грады и монастыри разориша, и церкви святыя пограбиша, и без красоты иконныя сотвориша, иныя же и огнем пожгоша. И не бе видети нигде же добра в земли Росийстей. Тако Бог наказа люди своя, и тако смири их, и отгна злобу и немилосердие от сердец их. „Его же Бог любит — его и наказует, биет же — его же и приемлет“. Ему же слава во веки. Аминь».

Дидактическое заключение во многом повторяет сказанное во вступлении. Так, мысль вступления «Тогда попущением Божиим найде и безбожный царь Батый на Росийскую землю и на вся пределы со множеством вой татарских, поплняя грады и монастыри раззоря и огню предаю» повторена в заключении, но несколько иначе оформлена лексически: «Тако посети Бог Росийскую землю, и наведе на ны сия вся грех ради наших. Не токмо сей един град, но и вся грады и монастыри разориша, и без красоты иконныя сотвориша, иныя же и огнем пожгоша». Т. е. можно говорить о стремлении к кольцевой композиции, по крайней мере на идейном уровне. Но заключение не просто дублирует вступление. Оно вводит тему Божьего наказания как *испытания* человека на смирение и милосердие. Причем важна для автора мысль о том, что испытываются избранные («Его же Бог любит — его и наказует...»). И таким образом тема святости героев Повести (ибо святым может быть не каждый, святые — «Божьи избранныки») продолжена в заключении. То, что этот фрагмент осознавался создателем ред. Распространенной как конец повествования, подтверждается наличием этикетной концовки («Ему же слава во веки. Аминь»).

Следующий за дидактическим заключением плач князя Ингваря носит характер механического добавления. Расценивать его таким образом позволяет то, что оплакивание Ингваря не только дублирует содержавшиеся в рассказе сведения о приходе Юрия Юрьевича (нахождение тела Юрия Ингоревича и его братьев, собирание тел, их погребение), но и противоречит тому, что сообщалось в Распространенной редакции Повести ранее (если все уже было «сотворено» новым, введенным этой редакцией, персонажем, то появление Ингваря «избыточно»). Этот эпизод завершался словами «и собрал телеса их, и погребе я честно». Эта незавершенность была, очевидно, осознана достаточно быстро: появилась запись другим почерком «со псалмопением. Аминь». Учитывая механический характер добавления этого

эпизода, представляется возможным не принимать его во внимание при анализе композиции и говорить о новом композиционном решении «Повести о разорении Рязани Батыем» в Распространенной редакции — кольцевом, возникшем благодаря введению назидательного заключения, близкого дидактическому вступлению идейно, тематически, лексически.

Анализ Распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем» выявил не просто факт «оцерковливания» текста, но подчинение агиографической идее всего повествования в целом: на стилистическом, образном, сюжетно-композиционном и идейном уровнях, вытеснение этой идеей всех других и превращение ее в единственную в памятнике.

О восприятии текста ред. Распространенной как текста агиографического свидетельствует и состав рукописного сборника, содержащего Повесть: это сборник житий (Ирины, Зосимы и Савватия, Феодосия Печерского, Алексея — человека Божьего), содержащий также выписки из патерики; Слова Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста; Сказания об иконах.

Таким образом, анализ текста Распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем» определил те средства, использование которых трансформирует воинское повествование в произведение агиографической традиции.